

Языковая игра в заглавиях прозаических произведений А.П.Чехова

Алла Павловна Цой
allatsoy0203@gmail.com

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Рано Сайдазимова
Наманганский государственный университет

Аннотация: В статье рассматриваются аксиологические механизмы языковой игры в заглавиях произведений А.П.Чехова.

Ключевые слова: языковая игра, аксиологические механизмы, заглавие, А.П.Чехов, проза, рассказ, название, наименование

The language game in the titles in the prose works of A.P.Chekhov

Alla Pavlovna Tsoy
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek
Rano Saydazimova
Namangan State University

Abstract: The article is devoted axiology mechanisms of the Language Game in the titles in the prose works of A.P.Chekhov.

Keywords: the axiology mechanisms of the language game, A.P.Chekhov, titles, prose works

Каждому из нас известно об особом юморе А.П.Чехова, о его «искромётности личного остроумия». В свою очередь, весьма остроумно особенность юмора «мастера короткого рассказа» отмечена оксюмороном И.Северянином: «Не знаю, как для англичан и чехов, Но он отнюдь для русских не смешон, Сверкающий, как искристый крющон, Печальным юмором серьёзный Чехов».

Специфическим юмором, вернее, «игры не по правилам», отмечена литературная деятельность А.П.Чехова с самого ее начала, когда он избрал для себя смешной псевдоним «Антоша Чехонте», придуманный, по преданию, протоиереем Ф.П.Покровским, законоучителем Таганрогской гимназии. Л.А.Капитанова отмечает, что вариантов этого псевдонима было множество -

Антоша, Ан. Ч., Антоша Ч., Чехонте, Дон Антонио Чехонте, Человек без селезенки, Г. Балдастов, Прозаический поэт [2, с. 8]. Всего в «Словаре псевдонимов» зафиксировано 45 псевдонимов писателя. Исходя из большого количества напечатанных писателем произведений (юморесок, сценок, комических зарисовок) в период 70-х - 80-х годов XIX века, можно предположить, что, возможно, остались нераскрытыми еще многие его псевдонимы.

Работая в одном из самых популярных в это время юмористических изданий - в журнале «Осколки», Чехов хорошо понимал, что необходим расчет на кругозор читателей, не выходящий, как правило, за рамки конкретно-вещных ситуаций, быта. И эти «правила игры» были сначала успешно им усвоены, а затем продуманно нарушены.

Несомненно, такая «игра не по правилам» является показателем особого чеховского мировидения. Поскольку жизненные ситуации и герои рассказов пропускаются через призму писательского восприятия и оценки, чеховский комизм приобретает особую природу - *печальный юмор* (или «горькое веселье»).

Следует подчеркнуть, что чеховская «игра не по правилам» закономерно проявляется в особенностях композиционно-сюжетного построения рассказов, тесно связанного с *образом автора* (термин В.В.Виноградова), чья *точка зрения*, пересекающаяся с точками зрения персонажей и непосредственно повествователя, организует речевую структуру произведения. Особенно ярко это представлено в заглавиях его рассказов.

Заглавия рассказов А.П.Чехова представляют собой сложное образование, которое можно классифицировать разными способами: по «содержательно-логическим группам» [4, с. 61-65]. Исследователи, подчеркивая своеобразие чеховского подхода к называнию произведений, - к тому, что делает заглавие первоэлементом стилевой системы чеховского рассказа, - вместе с тем отмечают, например, В.Б.Катаев и известные приемы наименования произведений: «Чеховские названия, обозначающие тему, место или время действия, имя персонажа и даже его социальную роль использовались и в предыдущем опыте русской литературы. «Хористка» или «Репетитор», «Тапер» или (в зрелом творчестве) «Архиерей» и «Студент», «В бане» или «В усадьбе», «На святках» или «Весной», «Полинька» или «Верочка» - сравнимы с названиями, известными по Пушкину, Гоголю, Тургеневу, Лескову и другим классикам («Барышня-крестьянка» и «Станционный смотритель», «Сорочинская ярмарка» и «Ночь перед Рождеством», «Бежин луг» и «Бурмистр», «Тупейный художник» и «Человек на часах» [3, с. 75.]. Наряду с указанными заглавиями произведений отмечаются и названия, которые содержат символический смысл. Деталь пейзажа или быта, вырастающая до

обобщения, до характеристики эпохи, поколения, до обозначения социального конфликта, - таковы образы-символы чеховских заглавий «В овраге», «На подводе», «Палата № 6», «Крыжовник». Но и этот тип заглавия был известен русским читателям: по пушкинской «Метели», гоголевскому «Невскому проспекту», по «Обрыву» Гончарова, по тургеневским романам «Дворянское гнездо», «Дым», «Новь», по рассказам Гаршина «Красный цветок» и «Attalea Princeps». У Чехова есть также заглавия, состоящие из слов, которые в тексте произведения далее не встречаются. Персонажам рассказов эти понятия остаются недоступными, они представлены авторским словом, оценивающим суть происходящего. Таковы «Сирена», «Хамелеон», «Попрыгунья», «Холодная кровь» и т. п. Но и такого рода заглавия можно найти в русской литературе: «Обыкновенная история», «Леди Макбет Мценского уезда», «Воскресение».

Как видно из приведенных примеров, содержательная соотнесенность заглавия и текста может быть в разной степени эксплицирована. Она очевидна и легка для восприятия в тех случаях, когда заглавие называет основной объект изображения, жизненные события, бытовые явления, психологические состояния, ставшие предметом повествования. В этих случаях содержание заглавия исчерпывается тематически. Например, заглавия так называемых детских рассказов Чехова: «Каштанка», «Белолобый», «Мальчики», «Беглец».

Однако чаще соотнесенность заглавия и основной части текста оказывается сложнее. Так, с середины 80-х годов заголовки многих чеховских рассказов подчиняются, по наблюдениям исследователей (И.Н.Сухих, С.Л.Левитан, А.П.Чудаков, В.Б.Катаев), общим принципам поэтики писателя - недосказанности, сдержанности, объективности повествования. Иначе говоря, постепенно роль заглавия как одного из компонентов текста существенно возрастает: оно осложняется новым глубинно-смысловым содержанием, связанным с выражением основной мысли автора, его отношения к изображаемому. Именно этими принципами руководствовался Чехов, заменяя иногда при переиздании первоначальные заголовки рассказов функционально более сложными.

Из ряда таких неоднозначных названий является заглавие рассказа А.П.Чехова «Злой мальчик». По мнению М.И.Гореликовой и Д.М.Магомедовой, текст этого произведения допускает двоякое его прочтение. Так, одним из возможных прочтений рассказа «Злой мальчик» является «прямое» прочтение того, что лежит на поверхности: описание комического случая с «бедными влюбленными» и «злым мальчиком». В этом случае авторская оценка персонажей выражена эксплицитно [1, с. 9-10]. Финал рассказа традиционный, со «сказочно» счастливым концом: в мире традиционной триады персонажей

порок наказан, добродетель восторжествовала (влюбленные победно, со всей страстью дерут за уши злого мальчика. В таком прочтении, несомненно, *влюбленные* выступают в роли *субъектов оценивания*, а *объектом оценки* - *злой мальчик*. Однако в такой явной гиперболизации, хотя и характерной юмористическому жанру, читатель не может не почувствовать глубокой авторской иронии.

При втором прочтении текста этого рассказа, осуществляемом через призму авторской точки зрения, глубинной авторской иронии, в роли *объектов оценки* выступают сами влюбленные. Иначе говоря, аксиологические механизмы языковой игры, обусловленные авторской иронией, в данном рассказе вступают в свое действие именно при «смене» *объекта оценки*, в результате которой возникает в некотором смысле *эффект обманутого ожидания*. Смена фокуса оценки происходит в эпизоде с «голым мальчиком» (в ответ на «- А-а-а...вы целуетесь? <...> Хорошо же! Я скажу мамаше») Лапкин забормотал: «Надеюсь, что вы, как честный человек...»). Ироничная оценка данной ситуации проявляется в речевом поведении героя и его поступков: обращается к мальчику как к взрослому (*вы, как честный человек*); растерялся (*забормотал*); испытывает страх перед ним (*вы, как честный человек*). В результате высокий, благородный *смысл любви двух молодых людей друг к другу* постепенно приобретает новый смысл - *ненависть к злему мальчику*. Кульминацией *любви* становится *месть*, принесшая двум молодым *захватывающее блаженство, счастье*. И совершенно противоположное *любви* чувство *мести* вновь соединяет двух влюбленных. Таким образом, в результате второго прочтения юмористический рассказ приобретает другой, сатирический смысл.

Как показывает анализ, в юмористических рассказах А.П.Чехова часто используется прием «обманутого ожидания». Несколько иначе этот прием использован писателем в рассказе «Моя «она». «Она» воспринимается читателем как лицо женского пола, жена повествователя (подлежащее «она»), в соответствии с «которой» использованы сказуемые *родилась, не покидает, не дает заниматься, толкает, манит, разоряет; давно пора развестись* и др. Финал рассказа «вдруг» «обнажает» правду, создавая вновь эффект обманутого ожидания: «Хотите знать ее имя? <...> Оно поэтично и напоминает Лилю, Лелю, Нелли. Ее зовут Лень».

Подытоживая сказанное, подчеркнем, что для восприятия смыслового содержания заглавия и в целом всего произведения, для верного прочтения авторской мысли необходимо учитывать связи заглавия со всеми другими компонентами художественной ткани произведения: системой действующих лиц, системой их номинаций, цитатными фрагментами текста и т.д.

Недостаточное внимание к этим многообразным связям может привести к упрощенным или даже произвольным толкованиям содержания чеховских произведений, к недооценке глубины авторского замысла. Анализ этих связей особенно важен для расшифровки содержания метафорических заглавий, заглавий-намеков, которые нередки у Чехова. Таковы, например, названия рассказов «Цветы запоздалые», «Огни», «Устрицы» и некоторые другие. В юмористических рассказах часто используется также прием «обманутого ожидания».

Использованная литература

1. Гореликова М. И., Магомедова Д. М. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Русский язык, 1989. – 152 с.
2. Капитанова Л. А. А. П. Чехов в жизни и творчестве. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2006. – С. 8.
3. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. – М., 1989. – С. 75.
4. Сухих И. Н. Заглавие // Проблемы поэтики Чехова. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 61-65.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем; В 30 томах. Сочинения. В 18 т. Письма. В 12 томах. – М., «Наука» 1976.